

Роль государства в институциональном регулировании российского рынка труда

И.ДЕГТЯРЕВА, Т.ЯКОВЛЕВА

Процессы, происходящие на российском рынке труда, не только выступают объектом внимания государства, но и являются результатом реализации государственной политики в области регулирования социально-трудовых отношений. Особый интерес со стороны государства к сфере социально-трудовых отношений предопределен многоплановой значимостью их влияния на социально-экономическое развитие страны в целом. С учетом этого обстоятельства авторы статьи обращают внимание на следующие основные проявления этих процессов и роль государства в их регулировании.

Российский рынок труда характеризуется низким уровнем оплаты труда и неравенством в распределении трудовых доходов. Согласно исследованиям Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, 15% численности населения аккумулирует в своих руках около 85% всех сбережений, 57% денежных доходов и 92% доходов от собственности [3, 3]. «Столь глубокого социального расслоения населения не знала ни одна из современных стран мира» [3, 3]. Низкий уровень доходов у основной части работающего населения и их концентрация в руках относительно небольшой группы людей снижает совокупный потребительский спрос и препятствует развитию реального сектора экономики, определяющего состояние занятости населения.

Проведенный авторами по официальным данным Росстата анализ ряда макроэкономических показателей российской экономики, непосредственно связанных с уровнем оплаты труда, позволяет констатировать следующее. Значения этих показателей либо существенно уступают их уровню в развитых европейских странах – доля заработной платы в структуре ВВП (32% против 53% в странах ЕЭС), индекс Кайтца (соотношение МРОТ и средней начисленной заработной платы – 18 % против 30–70% в странах ЕЭС), либо вплотную достигают пороговых (критических) уровней, за которыми возникает угроза потери трудовой мотивации (предельно низкий уровень оплаты труда в составе доходов населения – 66%) или угроза возникновения социальной нестабильности (индекс Джини – 0,41).

Угроза социальной дестабилизации и подрыва стимулов к высокопроизводительному труду усиливается в том случае, когда нарастающая дифференциация в оплате труда различных категорий работников внутри одной отрасли народного хозяйства усугубляется возрастанием размеров межотраслевой дифференциации зарплаток.

Наличие дифференциации в оплате труда в разных отраслях объясняется существованием общественного разделения труда и объективными экономическими законами, в соответствии с которыми различия в производительности труда предполагают соответствующие отличия в уровне вознаграждения. Наиболее высокий уровень оплаты труда объективно должен существовать в наукоемких и технологически развитых производствах, осуществляющих наиболее глубокую переработку сырья и материалов и создающих тем самым высокую добавленную стоимость.

Дегтярева Ирина Викторовна, д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ)

Яковлева Татьяна Николаевна, канд. экон. наук, доцент УГАТУ

Так, например, машиностроение является базовой отраслью любой высокоразвитой экономики. Здесь сосредотачиваются самые высококвалифицированные кадры, выпускается наиболее наукоемкая продукция. В России среднеотраслевой уровень оплаты труда в машиностроении за последние десять лет составляет 76–83% от среднего уровня оплаты труда в промышленности.

В то же время в сырьевых экспортно-ориентированных отраслях, вывозящих стратегические невосполнимые ресурсы и оказывающих значительное отрицательное влияние на экологию (топливная промышленность, цветная металлургия), среднеотраслевой уровень заработной платы превышает средний уровень по промышленности в целом в 2–2,5 раза.

Такие межотраслевые отличия в оплате труда должны иметь экономическую обоснованность. Прежде всего, уровень вознаграждения работников должен соответствовать производительности труда, поскольку источником покрытия производственных издержек является выручка от реализации произведенной продукции.

Однако после 1992 года показатели, которые могли бы напрямую отражать уровень производительности труда, безвозвратно «исчезли» из официальной макроэкономической статистики. Тем не менее, авторам удалось показать, сопоставляя отраслевые индексы реальной выработки на одного работника, отражающие динамику реальной производительности труда (2004г. к 1992г.), что в машиностроении реальная выработка увеличилась вдвое, а в топливной промышленности и металлургии – на 22%. За период с 2000 по 2006гг. реальная выработка на одного работника в машиностроении выросла в 1,5 раза больше, чем в среднем по промышленности. В то же время динамика роста среднеотраслевой заработной платы обнаруживает совершенно противоположные тенденции: здесь безусловные лидеры – предприятия топливно-энергетического комплекса.

Проведенный анализ позволяет выделить в качестве основного фактора, определяющего величину межотраслевой дифференциации оплаты труда в России, темпы роста цен производимой в отраслях продукции, а не фактическую производительность труда.

Рост мировых цен на сырье и вынужденное сдерживание тарифов на энергию внутри страны оказывают на рынок труда серьезное деформирующее и в настоящее время практически непреодолимое воздействие. Это касается в первую очередь невозможности полноценной реализации стимулирующей функции заработной платы. По нашему мнению, преодоление существующей ситуации требует принятия неординарных мер институционального характера, прежде всего связанных с модернизацией налогообложения. Речь идет, во-первых, об отказе от плоской шкалы налога на доходы физических лиц, во-вторых, о введении дифференцированного по отраслям налога на фонд оплаты труда предприятия либо в виде модернизации налога на прибыль, либо в виде отчислений во внебюджетные фонды социального или инвестиционного характера.

Очевидно, что, двигаясь к цивилизованному рынку труда, необходимо направить усилия на создание институциональных условий, всемерно способствующих росту почасовой заработной платы: прежде всего, пересмотреть в сторону повышения минимальный размер оплаты труда (МРОТ) и величину прожиточного минимума (ПМ), внести изменения в тарифную систему оплаты труда.

Наиболее явными препятствиями на этом пути являются возможный инфляционный всплеск и заведомое нарушение принципа опережающего роста производительности труда по отношению к средней заработной плате.

Принцип неразрывной связи производительности и оплаты труда, утвердившийся в экономике России с 1919г. на государственном уровне, стал руководящим принципом в экономиках индустриально развитых стран, переживших экономический кризис 1930-х гг. Однако механизм его реализации в этих странах построен на основе почасовой системы: соизмерении прироста почасовой производительности труда с приростом

почасовой оплаты труда, а также с изменением издержек на рабочую силу в единице продукции (или с коэффициентом *unit labor cost*).

Именно уровень почасовой производительности труда, по мнению западных ученых и практиков, точнее всего показывает, насколько интегрированы друг с другом труд, промышленный капитал и управление. Необходимость перехода к почасовой системе все настойчивее подчеркивают и отечественные экономисты. И это обосновано, поскольку такая система отлаживалась на протяжении десятилетий, и со временем все процессы воспроизводства были жестко подчинены строгому экономическому критерию, в равной мере обязательному и для рабочих, и для менеджеров, и для собственников [2, 14].

Не отрицая важности соблюдения принципа опережающего роста производительности труда по отношению к росту заработной платы для обеспечения эффективных макроэкономических пропорций, авторы обращают внимание на следующее обстоятельство.

В условиях недостаточно жесткого контроля со стороны государства за доходами и инвестиционной политикой частного капитала опережающий рост производительности труда может привести к усилению степени эксплуатации работников и усилению дифференциации доходов, росту социальной напряженности. Накопленное еще с советского времени отставание заработной платы, выразившееся в низком удельном весе последней в ВВП и себестоимости продукции, должно преодолеваться, в том числе и с нарушением рассмотренного принципа опережающего роста производительности труда.

Вместе с тем многие отечественные ученые считают, что повышение заработной платы до минимального жизнеобеспечивающего уровня надо рассматривать сегодня не как следствие возможного роста производительности труда, а как исходное его условие.

По нашему мнению, одним из ключевых факторов институционального регулирования оплаты труда является МРОТ. Институциональное закрепление МРОТ было нацелено на решение задачи достижения гарантии заработной платы, обозначенной в Уставе Международной организации труда (МОТ), обеспечивающей удовлетворительные условия жизни работников наемного труда.

Устанавливая гарантированный минимальный размер оплаты труда как уровень оплаты труда, ниже которого заработная плата не может опуститься, государство обязывает работодателя в законодательно-принудительном порядке поддерживать нормальное качество рабочей силы на рынке труда.

При формировании на рынке труда уровня заработной платы ориентация на МРОТ как на социальную норму, характеризующую низшую границу стоимости рабочей силы простого труда, предполагает воспроизводство работников не только высоко-, но и низкоквалифицированного труда. При этом следует обратить внимание на то, что простой труд – категория не абсолютная, а относительная, подразумевающая не вообще наиболее примитивный труд, а трудовую деятельность по сложности более простую, чем остальные виды реально применяемого труда.

Относительный характер простого труда выявили еще классики экономической теории. Они считали, что воспроизводственный минимум не сводится только к физиологическому, связанному с биологическим выживанием и обеспечением потребностей в питании, одежде, обуви, жилище. Удовлетворяться должны базовые нужды, то есть вся функциональная совокупность, которая включает также потребности в образовании, здравоохранении, содержании семьи. Такое понимание воспроизводственного минимума, по убеждению М.С.Токсанбаевой, лежит в основе методик определения прожиточного минимума как его стоимостного эквивалента (за вычетом неденежных благ и услуг) [5, 49–50]. Для того чтобы зарплата могла выполнять воспроизводственную функцию на рынке труда, самый простой труд должен оплачиваться не ниже прожиточного минимума.

В российской практике прожиточный минимум (ПМ) выступает минимальным государственным социальным стандартом и представляет собой нормативный показатель уровня жизни и социального развития, отражающий минимальные критерии уровня жизни (научно обоснованные уровни потребления и обеспечения населения). Степень реализации минимального государственного социального стандарта характеризуется минимальными социальными гарантиями.

Величина ПМ в исследуемом периоде превышала МРОТ в среднем в 4–5 раз, что отражает крайне низкую степень исполнения минимальных социальных гарантий со стороны государства и несоответствие действующего МРОТ его социально-экономической сущности.

Однако проблема отрыва МРОТ от величины ПМ усугубляется в связи с несовершенством применяемой методики расчета величины и состава ПМ в России, на которое указывают специалисты Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ). По мнению специалистов ВЦУЖ, несовершенство методики расчета величины ПМ касается прежде всего структурного набора федеральной минимальной потребительской корзины, включающей 200 наименований продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. Они считают, что качественный и количественный набор потребительской корзины не соответствует реальному удовлетворению минимальных потребностей и не обеспечивает воспроизводство простого труда абсолютно [1, 14].

Политика заниженных социальных минимальных государственных стандартов и соответствующих сниженных социальных гарантий разрушительно действует через рынок труда в целом на экономику, с одной стороны, не обеспечивая нормальное воспроизводство работников не только простого, но и сложного труда, с другой стороны, не обеспечивая реализацию процессов расширенного воспроизводства общественного продукта. Отсутствие динамизма труда, предполагающего возрастающую отдачу от каждой единицы ресурса живого труда и соответствующую экономию, вызывает тревогу у таких отечественных ученых-экономистов, как П.Игнатовский, Д.Львов, С.Глазьев, С.Губанов.

Важнейшим шагом в направлении усиления эффективности регулирования российского рынка труда могли бы стать государственные меры, направленные на институциональное ограничение верхнего предела дохода работников и предпринимателей и прежде всего – отказ от «плоской» 13-процентной шкалы налогообложения доходов физических лиц.

Отсутствие верхнего предела ограничения дохода высшего и среднего менеджмента предприятий, безусловно, оказывает позитивное воздействие на стимулирующую функцию рынка труда, но при этом из-за общего дефицита ресурсов, направляемых на оплату труда, неполноценно реализуются стимулирующая, воспроизводственная и социальная функции заработной платы основной массы работников. При этом, вследствие попадания в «ловушку неограничиваемой алчности», предприниматели (собственники и мажоритарные акционеры, одновременно осуществляющие менеджмент) недальновидно ослабляют усилия по организационно-технологическому развитию производства, непроизводительно потребляя часть ресурсов. А бюрократическая прослойка администрации предприятий с государственным участием и бюджетных организаций, используя свое монопольное положение внутри предприятия, попросту паразитически потребляет ресурсы, которые могли бы быть направлены как на оплату труда основной части работников, так и на развитие производства, создание новых рабочих мест.

По нашему убеждению, отмена прогрессивного налога с физических лиц стала очевидным примером попадания в трансформационную «институциональную ловушку». Основной причиной его отмены была необходимость увеличения налоговых сборов и уменьшения теневых выплат. В настоящее время фискальная система окрепла, то есть причина перестала существовать (по крайней мере, существенно ослабла), но сохранился интерес вышеупомянутых получателей дохода, которые продолжают лоббировать сохранение «плоской шкалы» налога с физических лиц.

Курс на уменьшение дифференциации доходов может вызвать недовольство у сторонников позиции Ф.Хайека, провозглашающего, что «чем больше уравнительности, тем ниже эффективность». Но такая позиция может быть справедливой для общества, в экономике которого дифференциация доходов базируется на оценке количества и качества затраченного труда, предпринимательских усилий и инициативы. В современной России доходы дифференцируются в значительной степени вне связи с реальным ростом производительности труда и очень часто в зависимости от места, которое работник занимает на бюрократической лестнице в государственных структурах либо в полугосударственных корпорациях, активно перераспределяющих рентные доходы.

Возврат к прогрессивному подоходному налогу не только не ослабит стимулирующую функцию рынка труда, но и будет способствовать улучшению реализации других его функций. При этом улучшение будет достигаться за счет перераспределения ограниченного фонда оплаты труда в пользу менее высокооплачиваемых работников.

Литература

1. Бобков В. Уменьшение бедности: к разработке Национальной программы // Человек и труд. – 2005. – № 5. – С. 14–19.
2. Губанов С. Новая целевая задача и условия ее решения // Экономист. – 2008. – № 3. – С. 3–21.
3. Львов Д. О стратегии развития России // Экономист. – 2007. – № 2. – С. 3–10.
4. Россия в цифрах. 2007: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – 494 с.
5. Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. – М.: Наука, 2006. – 259 с.